

15 лет назад в ДК МЭЛЗы бывшего Сталинского района состоялась сдвинутая по фазе премьеры «роковой» мелодрамы «Асса». Первого фильма мажоритарной трилогии Сергея Соловьева, столкнувшего лоб в лоб совок с андеграундом.

Тогда не только зрители, но и критики были буквально сбиты с толку. На рок-карнавале с отчетливым криминальным привкусом обменивались масками крестные отцы и менты, лилипуты и культовые рокеры, а под снежными пальмами Ялты бродил задумчивый негр Витя. Обескураженные и ошарашенные взрывоопасным кинозрелищем вопрошали: «Неужели этот юный контркультурщик с серьгой в ухе и целлулоидными снами, ищущий взаимопонимания через специальное устройство «коммуникейшн тьюб», и есть герой переходного времени? И что с ним стало? Или с его прототипом Сергеем Анатольевичем БУГАЕВЫМ по прозвищу Африка?»

— «Асса» подводила итог эпохе безвременья. Страна, зажурившись, вступала в новую воду. Вопрос первый: «о времени и о себе».

— Все разворачивалось в совершенно иной культурной ситуации. Многие из нас тогда балансировали на пограничье разрешенного. Я играл в «Кино», в оркестре «Поп-механика» у Курехина. Занимался искусством в группе «новые художники» с Тимуром Новиковым. Была ленинградская «могучая кучка-2». Настоящие титаны: Цой, Курехин, Гребенщиков, Новиков. Содеянное ими актуально по сей день, несмотря на то что «иных уж нет». В то время подпольному андеграунду отводились маленькие сценки для маленьких концертов. Но в сознании сотрудников КГБ начинала просыпаться растерянность. Нам разрешалось больше, чем, скажем, во времена Бродского. Тем не менее у меня были серьезные проблемы с милицией. Вспоминаются смешные истории, запечатленные в «героических кадрах» фильма Лепницкого «Солнечные дни»: меня, арестованного на сцене после концерта «Кино», вся группа идет выручать в райотдел.

— «Титаны» существовали замкнуто или всячески продвигали контркультуру в массы?

— Все они, и прежде всего Гребенщиков, — институт открытый. Кстати, у него же я впервые увидел Библию. Отскеренную. Он радовался новым музыкальным идеям. Приветствовал появление Виктора Цоя. Я как молодой студент жил на территории Бори Гребенщикова на улице Софьи Перовской. Можно сказать, в центре Мекки русской рок-музыки. Лестница от первого до шестого этажа была исписана граффити, люди со всей страны приезжали поклониться «отцу».

— Правда, что студент учился в кулинарном техникуме?

— Чем горжусь и в художественном творчестве пользуюсь навыками повара, способом нанесения красок на холст при помощи кастрюли и всего, связанного с приготовлением пищи.

— Как же тебя отличил Соловьев?

— Благодаря Гребенщикову. «Некий московский режиссер, — говорит он, — фильм снимать собирается. Меня музыку писать позвал, ищет главного исполнителя. Ответственный человек». Помню, пришли мы с режиссером Соловьевым ко мне по месту проживания. Тогда у нас уже была огромная совместная мастерская с Тимуром Новиковым на улице Воинова, где проходили репетиции «Кино» и масса других событий, не менее интерес-

ных. Пришел Соловьев и «обстоятельствами места действия» его поразил настолько, что они вошли почти в нетронутым виде в фильм. Помнишь, в эпизоде, когда кирпичом бьют по голове сотрудника КГБ? Там и кухня, плита с девятью конфорками. В квартире было комнат 20 и собака наша. Большая часть того, что лежало там, висело, было мусором, сейчас находится в коллекции Государственного русского музея в отделе новейших течений.

У Соловьева — талантливый цепкий взгляд. Моя комната в чуть измененном виде стала комнатой Бананана. К примеру, там был портрет Ника Кейва. Кстати, возвращаясь на днях из Германии, а таможенник спрашивает: «Какой ваш любимый певец?». Я намека не понял, отвечаю: «Гребенщиков, что ли?». «Нет, — говорит, — Ник Кейв». Представляешь, реальный таможенник в погонах. Случилось то, чего мы добились: хотя бы на толику изменить сознание наших людей. Процесс «пошел» с «Кино», Цоя, Гребенщикова. На них и заканчивается.

Кто-то считает, что изменения в стране случились по воле таких людей, как Борис Николаевич Ельцин, а так не думаю. Изменения в сознании вершатся в сфере культуры, а не диктатуры. В общем, Соловьев пригласил меня вместе со всем обжитым пространством, я согласился, попросив, чтобы он взял еще моих друзей.

Соловьев пришел на концерт группы «Кино» в ДК «Красный Октябрь». Было время, когда рок-музыка магическим образом пробуждала потоки энергии. Стояли ящик с усилителями, половина барабана, три гитары, но все это фантастически звучало. Соловьева чуть не сбilo с ног. Проникся. Согласился ребят снимать. Вечер закончился любопытной сценой.

Представь сталинский зал с колоннами. Двигаемся с Соловьевым навстречу друг другу, а меж нами возникает образ комсомолки бдительной. В темноте она различает у меня в ухе серьгу (необычную по тому времени). Не знает, что навстречу мне идет лауреат Государственной премии и премии Ленинского комсомола, а видит лишь ублюдков, андеграундщиков — сволочей, короче. С метровой дистанции скандирует: «Серьгу из уха надо вынуть!». Соловьев замирает на месте: вот он срез живого процесса. Я соглашаюсь спокойно: «Пожалуйста». Снимаю серьгу. Скандала не получается. Мы уходим. Соловьев говорит: «Редко видел я случаи веселого и легкого героизма». Оценил поступок. Хотелось конечно же ее или оскорбить, или сжечь взглядом...

Потом я стонял в Москву и после обязательных кино-

проб получил бумагу на «Мосфильме». В какой-то момент она спасла мне жизнь. Под самый Новый год был концерт группы «Кино». Милиция любила брать подлиски об устройстве на работу. У меня скопились две из трех возможных, угроза «сесть» надвигалась неумолимо. Вот и задержал меня старательный участковый, готовивший третью «заклчительную» подлиску. За мной в кутузку сразу прибежали Цой, Юлик Каспарян. «Отпустите», — просят. Участковый ни в какую.

А я тихо радуюсь в кармане — супербумага с логотипом «Мосфильма», где начертано: Бугаев Сергей Анатольевич приглашается в качестве исполнителя главной роли в кинофильме «Здравствуй, мальчик Бананан». Сразу звонки, согласования, выяснения. Время-то суровое, все под пристальным «специализиро-

...Мальчик Бананан. Выжил!

15 лет — фильму Сергея Соловьева «Асса»

«Асса»

направления, прозванного «новой романтикой», следы которой не стерты.

— Вот не убили Бананана, гипотетически продолжим его судьбу...

— Не гипотетически. Я написал сценарий и кусок фильма сделал. Предлагал снять Соловьеву, но он был занят. Получился фильм минут на 20. Бананана волной выносит на берег. Некие шаманы находят и при помощи магических заклинаний воскрешают. Потеряв память, он оказывается на территории психиатрической больницы, где снова начинает отстаивать правду и справедливость. Убивает бандита, после чего попадает в Москву. Оказывается в руках ведущего — заправилы ТВ. Бросается в работу, пока не понимает, что все манипулируемо и все манипулируемо. Криминалитет Кры-

мов (с лицом Говорухина), который в памяти иногда всплывает, теперь выступает с трибуны Госдумы. Сегодня он — олицетворение власти.

— Итак, место банананов — в психушке...

— Свободный человек остается везе свободным. Все оказалось сложнее. Многие думали: несвобода — свойство советской власти, но она проявляется при соприкосновении человека с миром. Свобода — внутреннее качество отдельно взятого человека...

— Благодаря которому можно предотвратить трансформацию романтического мальчика Бананана в «кумира народного» старика Козлодоева?

— К сожалению, Бананана снова убьют. Ведь он понимает, что во главе «трафика», по которому чудовишным потоком гонят наркотики, стоит

министр внутренних дел. Эта часть сценария написана без влияния Юрия Петровича Щекочихина.

— Каково его участие в работе?

— Может, я в неправильный момент познакомился с Щекочихиным, но он повлиял на мировоззрение и понимание, что контуры власти в новой России более коварны, чем даже при советском строе, где все было разграничено. Щекочихин — один из самых бескомпромиссных людей, обладавших гармонизирующим субстратом истинной свободы. За исследование грани, по которой власть переходит в криминал, заплатил жизнью.

— Как ты себя чувствуешь в новое время? Как Бананан чувствовал бы себя сегодня?

— Чувствую, что ребята погибли не вовремя. И на мне

Бугаев, Сергей

Мой оп.

292